умереть, чтобы вспомнили

МАКСИМ КОНОНЕНКО (Mr. PARKER)

В концертном зале «Россия» прошел вечер памяти Валерия Ободзинского. После концерта у входа в зал была открыта металлическая звезда с его именем.

До сих пор шесть миллиардов человек не могут прийти к единому мнению: кто же был популярнее — «Битлз» или «Роллинг Стоунз»? Но этот важнейший спор совершенно не касается двухсот пятидесяти миллионов человек, населявших когда-то самую большую в мире страну. Нас волнует другой вопрос, не менее важный: кто же был популярнее — Муслим Магомаев или Валерий Ободзинский? И таинственным знаком выглядит теперь фактическое совпадение во времени чествований двух артистов — в одном и том же зале, с разницей в неделю. Обоих чествуют в связи с шестидесятилетием. Обоих — спустя приличное время после действительных юбилеев. Но одного — при жизни, а другого — посмертно.

Среди сонма юбилейных и воспоминательных концертов последних полутора лет вечер памяти Валерия Ободзинского, состоявшийся двадцать четвертого сентября в зале «Россия», показался самым нелепым и лживым. Ситуацию не спасло даже участие в мероприятии родной дочери певца Анжелы, хотя ее появление на сцене стало, безусловно, эмоциональной вершиной вечера. Черноволосая красавица в алом вечернем платье спела дуэтом со своим умершим пять лет назад отцом — Ободзинский пел с большого экрана посвящение своей дочери, дочь отвечала ему симпатичным, хотя и не очень поставленным голосом. Дамы пенсионного возраста со следами неправильного питания на лицах, составившие основную аудиторию концерта, смахивали с глаз предательские слезы.

Этот дуэт был, пожалуй, самым интересным номером двухчасового концерта. Он же разделил концерт на две части, в первой из которых на сцене появлялись в основном композиторы или непрофессиональные певцы. В том числе (чу!) сам Давид Тухманов, запросто вышедший к роялю и спевший (!) «Восточную». Этот смешной человек в модном дорогом костюме, композиторским голосом распевавший «В каждой строчке только точки…», произвел на аудиторию совершенно гипнотическое действие. Ему устроили громоподобную овацию, как на съездах партии, разве что не встали всем залом. Тухманов столь редко появляется на публике, что в его человеческую природу уже мало кто верит. Он кажется божеством, поскольку только божество может написать одновременно ту же «Восточную» и, скажем, «День Победы».

Во второй части концерта выступали люди с голосом. Причем, чем сильнее был голос (читай — чем дольше держалась финальная нота), тем большего количества криков «браво» удостаивался исполнитель. Надо сказать, что таких криков достойны были почти все — артисты случились как на подбор. Евгений Осин, как всегда феерический и энергичный. Сергей Пенкин, потрясший зал своим искусством — называть то, что он творит на сцене, «исполнением» не поворачивается язык. Вряд ли есть сейчас в России более одаренный певец, да еще и поддерживающий такую профессиональную форму. Пенкин спел в сопровождении Белорусского государственного оркестра, большого и солидного, в желтых пиджаках и с полным достоинства дирижером. Даже Лев Валерианович Лещенко позволил себе отработать под инструментальную фонограмму, хоть и с двумя потрясающими длинноногими девицами на бэк-вокале — а Пенкин честно слился с оркестром, причем было такое ощущение, что он поет с этим коллективом с рождения.

Самым неприятным моментом концерта оказалась посвященная событию красочная программка. Более глупого и лицемерного документа нельзя придумать. «У Валерия Ободзинского в восьмидесятые были не лучшие дни. Он ушел со сцены. Десять лет его никто не видел и не слышал, но он продолжал работать». Вместо того чтобы честно написать, что с семьдесят шестого года с Ободзинским просто никто не хотел работать по обычной для русского человека причине — пьянство. Понадобилось придумывать какой-то монумент из папье-маше. Почему надо было писать «он часто болел» вместо «он работал сторожем на складе галстучной фабрики» — непонятно. Быть может, всех тех людей, что выступали двадцать четвертого сентября на сцене зала «Россия», не оставляет мысль о том, что они не помогли Ободзинскому при жизни? Что они не вытащили уникального певца из непрекращающейся череды запоев, не заставили его выйти на большую сцену и петь, петь, петь? Очень хотелось спросить у публики и артистов: раз вы так аплодируете в год шестидесятилетия, раз вы так чествуете великолепного некогда артиста после его смерти — где же вы были, когда Валерий Владимирович отмечал пятьдесят пять? А ведь не было практически никого. Через три месяца после этого он умер. Теперь из него пытаются сделать икону.

О нем вспомнили через пять лет после смерти в забвении. В этом году Ободзинскому исполнилось бы шестьдесят лет

Но публику в зале мало интересовали все эти тонкости. Они пришли послушать музыку своей молодости. Музыку, которую теперь исполняли для них совсем другие люди, и лишь единицы из них могли сравниться с Ободзинским хотя бы отдаленно. Публика получила свое — набор знаменитостей, с разной степенью похожести исполнивших те удивительные песни, каких теперь уже не пишут. Послушала — и разошлась.

А после при небольшом скоплении людей четыре девушки в киверах и расшитых золотом мундирах убрали белую простыню с того места, где в подъездные плиты вмонтирована звезда с надписью «Валерий Ободзинский». Рядом водитель серебристого «Лексуса», не обращая никакого внимания на происходящее, читал в газете, кто же украл господина Кукуру. Милиционеры курили в сторону Москвы-реки. Редкие прохожие, недоумевая, оборачивались на яркий свет софитов. Через пару лет между буквами в надписи «Валерий Ободзинский» совсем не останется камня, а сами буквы покосятся, как на других звездах. И люди, приходящие на концерты в зал «Россия», совсем не будут обращать внимания, по каким именам они ходят.